

Отзыв

о диссертации Петровой Натальи Сергеевны
«Мифологические модели в неподцензурных текстах о советской власти
1917-1953 гг.» (Москва, 2017), представленной
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.09 – «Фольклористика»

Изучение политического фольклора в последние десятилетия привлекает внимание специалистов из разных стран и научных центров, в том числе и в России. На русском языке появилось большое число монографических исследований, статей, сборников материалов, в которых впервые опубликованы и проанализированы произведения политического фольклора разных жанров. В русле этого научного направления выполнена и данная диссертация.

В качестве объекта своего исследования Н. С. Петрова выбрала фольклорные тексты (главным образом прозаических жанров) и описания практик, в которых отражены «особенности восприятия новой власти и ее мероприятий жителями советского государства, а также попытки установления диалога с властью в процессе совершения традиционных ритуализованных действий», т.е. нарративы, которые относятся к области политического фольклора и которые зафиксированы «в преимущественно письменных источниках раннесоветского периода» (с. 27). Именно такие реконструируемые тексты автор определяет как «неподцензурные». Отсюда логично вытекают и задачи исследования: «подготовить корпус текстов», «дать научный комментарий» к ним и «провести комплексный структурно-семиотический анализ текстов и практик» (с. 27).

Выбор такого объекта, поставленные задачи свидетельствуют о новизне исследования, расширяющего источниковедческую базу изучения политического фольклора советской эпохи, открывающего некоторые особенности освоения новой действительности традиционным фольклорным сознанием.

Однако уже здесь возникают вопросы к исследователю. Разъясняя термин «неподцензурный фольклор», автор указывает на два основных его признака: это то, что «изначально не подвергалось официальной цензуре, так как возникло в рамках спонтанной низовой традиции и развивалось по законам фольклора», и в то же время – это «ненормативные явления, воспринимавшиеся властью как оппозиционные, хотя, как правило, таковыми не являвшиеся» (с. 6). Однако спонтанная низовая традиция, отсутствие изначальной (предварительной) официальной цензуры характерно для любых фольклорных явлений в любые эпохи, в том числе и для советской. Не менее проблематичен и второй признак – «ненормативность». Но что это значит применительно к фольклору? Ненормативный с точки зрения господствующей идеологии? С точки зрения официальных эстетических канонов?

Также вызывает сомнения термин «неподцензурный» по отношению к фольклору. Дело в том, что неподцензурными назывались такие издания произведений русского фольклора, которые не проходили цензуру в России. Между тем в диссертации Н. С. Петровой рассматриваются в качестве советского фольклора (фольклора советского периода) тексты, которые для публикации не предназначались. Также непонятно, почему автор сознательно и целенаправленно избегает термина *политический фольклор* для обозначения объекта исследования. Ведь определение этого термина, данное в свое время А. А. Панченко, вполне соответствует тому, что автор диссертации называет «неподцензурным фольклором». «Политическим фольклором» можно называть формы и проекции коллективного воображения, тем или иным образом связанные с политикой в широком смысле – структурами власти и доминирования, присущими изучаемому обществу и до известной степени осознаваемыми его членами» (А. А. Панченко От составителя. // Русский политический фольклор. Исследования и публикации / ред.-сост. А. А. Панченко. М.: Новое изд-во, 2013. С. 6-7). Это тем более непонятно, что Н. С. Петрова сама формулирует в другом месте объект исследования именно как политический фольклор: «работа посвящена мифологическим моделям в

неподцензурных текстах о советской власти, отражающих коллективные представления о власти и фольклоризованную реакцию общества на ее действия» (с. 5).

Также можно сожалеть, что, предваряя свое интересное и значительное исследование, автор не уточнил, что он понимает под термином «советская фольклорная традиция», «советский фольклор», ибо это явление было весьма неоднородным, сложным как идеологически, так и эстетически.

Характеризуя новизну своего исследования, автор указывает на комплексный характер изучения объекта, имея ввиду, с одной стороны, разнородные и разнообразные письменные источники, использованные в диссертации, а, с другой, применение методов других гуманитарных наук – исторической и политической антропологии, социальной психологии, культурологии и др. Благодаря такому подходу диссертация приобрела подлинно междисциплинарный характер, что несомненно сделало ее актуальным и новаторским исследованием. Нельзя не отметить также очень богатую источниковедческую базу диссертации – это письменные источники личного происхождения; письменные источники официального происхождения; источники, сочетающие в себе частные и официальные элементы; устные источники (хотя и в ограниченном объеме).

Автор понимает, что преобладание письменных источников над устными весьма необычно в фольклористической работе и поэтому уточняет как понятие текста («текст здесь понимается в широком семиотическом смысле и включает в себя не только вербальные формы, но и ритуализованные акциональные комплексы» (с. 5)), так и специфику «фольклорности» источников («это не привычные для фольклористических исследований тексты-объекты, но тексты-инструменты» (с. 36)).

Убедительной представляется апробация исследования – 9 докладов на Международных научных конференциях как в России, так и за рубежом, пятнадцать работ общим объемом 5,6 п.л., в том числе три статьи в

рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при министерстве образования и науки РФ.

Структура диссертации канонична: введение, три главы, заключение. Представлен Список условных обозначений и сокращений. Список литературы насчитывает 159 наименований, а список источников – 164 наименования. Работу завершает Приложение I «Тематический указатель к систематизированному собранию текстов неподцензурной советской мифологии и фольклора».

Первая глава диссертации «Советская власть и взаимодействие с ней в неподцензурном фольклоре города и деревни» включает в себя три подраздела: «Фольклоризованные образы представителей власти», «Фольклоризованная реакция на действия власти» и ««Враги народа» в советском неподцензурном фольклоре». Начиная с анализа ключевой фигуры новой советской эпохи – образа коммуниста, автор убедительно показывает, что он имел собирательный характер, применялся «не строго к члену партии, но к лицу, наделённому какими-либо властными полномочиями» (с. 32). На раннем этапе его функционирования наблюдались «попытки вписать его в «привычную картину общественных отношений», что приводило к «отождествлению представителей советской власти с дореволюционными правящими сословиями» (с. 34). Не менее значимы были и другие маркеры коммуниста – «безбожники», «евреи», «караемые грешники», «слуги антихриста» и проч. Обобщая эти, на первый взгляд разнородные определения, автор убедительно показывает, что они были обусловлены традиционной для крестьянского мышления семантической оппозицией «свой» – «чужой», что позволило «включать непривычную социокультурную группу в устоявшуюся картину мира» (с. 41). Логическим продолжением данного анализа стало обращение автора к рецепции крестьянским сознанием образа Ленина, прежде всего слухов о его болезни и смерти. Анализ соответствующих документов показал, что в данном случае эта рецепция происходила в «рамках фольклористической традиции» – в жанрах анекдота, легенды и др. (с. 43).

Не меньший интерес представляет второй раздел главы, в котором автор анализирует фольклоризованную реакцию на действия власти. Проявилось это в осмыслении советских политических и идеологических реалий в контексте традиционных мифологических представлений о природе (народной метеорологии). При этом автор выявил две основные стратегии этого осмысления: «сохранение в практически неизменном виде традиционных ритуальных практик» и «приспособление традиционных форм к изменившейся социополитической ситуации» (с. 61-62).

В итоге Н. С. Петрова приходит к выводу, о том, что рассматривать эти нововведения необходимо как «результат естественного развития продуктивной фольклорной формы, предполагающего адаптацию новых социально-политических реалий при помощи традиционных фольклорных моделей» (с. 63). Этот вывод представляется убедительным и аргументированным,

Столь же содержателен и интересен анализ Н. С. Петровой эсхатологических «настроений эпохи коллективизации», которые она рассматривает в контексте «крестьянских эсхатологических текстов советского периода» в двух основных «средах обитания» – деревни и лагеря. Автор убедительно показывает, рассматривая корпус разнообразных письменных источников, что «соотнесение социополитических нововведений с крушением старого мира приводило к символическому отождествлению советского государства с царством Антихриста, к ожиданию разнообразных бедствий (войны, голода, эпидемий)» (с. 68). Такие же представления, как указывает Н. С. Петрова, определяли народные толки и слухи, связанные с переписью 1937 г.

Анализ, проведенный в этой части диссертации, отличается тщательностью, последовательностью, точностью и обоснованностью выводов, умелым применением той комплексности исследования, о которой она писала во Введении. Все сказанное выше можно отнести и к анализу отражения в «неофициальном фольклоре» «фольклоризованной пропаганды» о «врагах народа», хотя при этом хотелось бы обратить внимание автора на крайне

неудачное терминологическое выражение «неофициальный фольклор» и не совсем понятное выражение «фольклоризованная пропаганда».

В выводах по первой главе автор сжато и концептуально обозначил главные результаты своего анализа, указав, что «в ситуации тотальных социополитических изменений раннесоветской эпохи неподцензурная фольклорная реакция была одним из способов осмысления и адаптации этих нововведений к традиционной картине мира. Знакомые и понятные мифологические модели предлагали готовые интерпретационные схемы, которые наполнялись актуальными реалиями (именами, событиями)» (с. 94).

Вторая глава «Советская власть и взаимодействие с ней в фольклоре ГУЛАГа и в фольклоре о ГУЛАГе», с одной стороны, является продолжением исследования, проведенного в первой главе, например, анализ образов представителей власти (наркомы Ягода, Ежов), анализ реакции на действия власти (эсхатологические представления в ГУЛАГе). С другой стороны, эта глава посвящена рассмотрению ГУЛАГа как своеобразного поля антропологических исследований для репрессированных учёных. Последний аспект значим и как часть данной работы, и как осознанная миссия выражения признательности современным молодым ученым по отношению к предшественникам, не только выжившим в нечеловеческих условиях сталинского режима, но и выполнившим свой долг ученого (с. 102).

Анализируя слухи о наркомах, Н. С. Петрова убедительно показывает, что эти слухи часто строились на основе определенных реалий: места персонажей «во властной иерархии и их роли в развёртывании процесса репрессий». Это, в свою очередь, приводило к включению данных персонажей в традиционные тексты о «добром царе» (Сталине) и коварных заговорщиках. Смещение наркомов с постов, в свою очередь, порождало новые слухи, в которых достраивались (и продлевались) их тюремно-лагерные биографии. Это вводило их в круг ««псевдоживых» персонажей фольклора об исторических личностях» (с. 103-104). Необычно, как отмечает автор, реализовалась в ГУЛАГе «реакция на действия власти». Это происходило, прежде всего, в

различных «тюремно-лагерных мантических практиках» (гаданиях, приметах, толкованиях сновидений и проч.), что было обусловлено «перманентным состоянием неопределённости» судьбы заключенного.

Завершается данная глава выводом о том, что «адаптация религиозных практик заключённых к ограниченным условиям ГУЛАГа 1920-1940-х гг.» происходила при помощи замены «некоторых элементов их доступными субститутами <...> в соответствии с принципами смежности, подобия, деления целого на равноценные ему части, проговаривания вместо действия, функционального соответствия и др.» (с. 137). Именно в условиях ГУЛАГа, как показывает автор, религиозные практики способствовали формированию у заключенных «эсхатологической мифологии» (с. 139). Для этой традиции были характерны те же мотивы, что и для крестьянской эсхатологии, о которой говорилось в первой главе исследования.

Заключительная, третья глава посвящена систематизации корпуса текстов неподцензурного советского фольклора и мифологии, принципам его составления, а также исследовательским перспективам. Решая эти задачи, Н. С. Петрова, прежде всего определила, что систематизации подлежат «повествовательные тексты и описания практик», которые анализировались в предыдущих главах. Второй вопрос, который решает Н. С. Петрова – принцип систематизации материала. В современной фольклористике существует большое количество указателей, построенных по разным принципам. Учитывая это и исходя из специфики исследуемого материала, автор справедливо отказывается от жанрового и сюжетного принципов и выбирает тематический. В итоге все выявленные тексты оказалось возможным распределить по двум крупным разделам: «Новая власть и традиционная культура: тексты и практики» и «Новая власть и ее враги в представлениях и практиках». Внутри разделов систематизация материала осуществлена по микротемам и мотивам. Важным дополнением к Указателю является разметка текстов, обозначающая такие его атрибуты, как место и время действия, тип источника, среду бытования источника и проч. Это позволило унифицировать их оформление и

подготовить основу для последующей компьютерной обработки. Важно еще и то, что сами собранные тексты и описания практик автор разместил в открытом доступе.

Основные выводы диссертации, приведенные в заключении, логично вытекают из ее текста и не вызывают принципиальных возражений.

Приведенные критические замечания и вопросы ни в коей мере не снижают общей оценки диссертации Н. С. Петровой. Это основательный труд, посвященный актуальной теме, находящейся на стыке фольклористики, истории, политической антропологии. Автор продемонстрировал в диссертации умение работать с разными видами источников. В научный оборот введен большой объем неизвестного ранее материала. Автор свободно ориентируется в научной литературе по широкому кругу фольклористики, истории, политической антропологии на русском и английском языках. Все это позволяет утверждать, что диссертация представляет законченную научно-исследовательскую работу, выполненную на высоком научном уровне. Результаты исследований диссертанта найдут практическое применение в научной и учебной деятельности в вузах, колледжах, гимназиях и профильных филологических классах средней школы. Достоверность теоретических результатов обеспечивается глубоким и тщательным анализом разнообразных источников, серьезным теоретическим материалом, привлекаемым в ходе анализа.

Автореферат диссертации Н. С. Петровой «Мифологические модели в неподцензурных текстах о советской власти 1917-1953 гг.» дает целостное и законченное представление о самой работе. В нем с необходимой полнотой и точностью изложены концептуальные основы исследования, цель работы и задачи, которые необходимо было решить для достижения поставленной цели. Четко обозначена структура работы, авторская логика и принципы обоснования выдвигаемых идей и утверждений. Все это в итоге позволяет сделать вывод, что само диссертационное исследование является самостоятельным, актуальным, современным и имеющим практическую значимость. Основные

результаты работы отражены в большом количестве публикаций, включая и издания, рекомендованные ВАКом, что обеспечило знакомство научной общественности с главными положениями и результатами данной диссертации.

Диссертация Н. С. Петровой «Мифологические модели в неподцензурных текстах о советской власти 1917-1953 гг.» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует пунктам 9, 10, 11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика.

Чередникова Маина Павловна, доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской работы и патентно-лицензионного обеспечения, руководитель Научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», 432071, РФ, г. Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 4, тел. 8(8422) 44-11-69, maina@list.ru, 07.09.2017 г.

Подпись
Заверяю:
Начальник управления кадров
ФГБОУ ВО УлГПУ им. И.Н. Ульянова

Чередникова

Чередникова М. П.

Шиняв